Джордж Косар

«Духовные пролетарии» и легитимность Всероссийского церковного собора 1917–1918 гг.

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-127-152

George Kosar

The "Spiritual Proletariat" and the Popular Legitimacy of the All-Russian Church Council of 1917–1918

George Kosar — Davis Center for Russian and Eurasian Studies at Harvard University; Boston University (USA). george.kosar@gmail.com

After the February Revolution of 1917, self-described "spiritual proletarians" of church deacons and readers actively advocated for increased material support and improved legal status in the Russian Orthodox Church. During the fourteen months following the fall of the imperial regime, the actions of these "lower clergy" prompted responses from the Holy Synod and the All-Russian Church Council, as the Church sought to address clergy grievances, resist the introduction of revolutionary political language into the ethos of Church decision-making, and maintain the popular trust and legitimacy of its institutions. Drawing on letters and petitions, official diocesan journals with reformed editorial boards, Council documents, as well as memoirs and diaries, this paper examines the issue of the "spiritual proletarians." Their grievances encompassed one element of the "church revolution" of 1917, whose main motive was the redistribution of power within the church. They also revealed the pre-revolutionary clerical estate's internal contradictions, which had made reform of parishes' financial, legal, and governance structures so intractable.

Keywords: Russian Orthodox clergy, All-Russian Church Council of 1917–1918, Russian Revolution of 1917, Church Revolution, Russian church estate.

Введение: церковная революция, приходской вопрос и духовное сословие

Одной из многих проблем, которые Русская православная церковь пыталась решить в конце имперского периода, был так называемый «приходской вопрос». После периода Великих реформ церковные лидеры стремились обновить жизнь прихода, не ослабляя при этом статуса, влияния и стабильности как церкви, так и государства, однако предпринятые усилия не сняли той напряженности, которая существовала внутри самой церкви. После Февральской революции 1917 г. церковь внезапно оказалась в ситуации, когда она могла функционировать без привязки к традиционной государственной власти. Турбулентность войны, социально-политические потрясения и революция в церкви сделали невозможным решение всего комплекса проблем, связанных с приходским вопросом в том виде, в каком он ставился в Российской империи. Однако четырнадцать месяцев с февраля 1917 г. по март 1918 г. показали, как епископы, клирики и миряне пытались решить один конкретный аспект приходской жизни: распределение дохода прихода для финансовой поддержки приходского духовенства.

Весной 1917 г. группы диаконов и псаломщиков, в некоторых случаях называвшие себя «духовными пролетариями»[1], организовались, чтобы совместно выступать за большее участие в управлении приходом и за повышение своих доходов, в основном за счет священников, с которыми они служили. Их недовольство угрожало единству церкви, поскольку они представляли собой один из элементов «церковной революции»[2], которая отчасти была вызвана внутренним напряжением в духовном сословии, точнее, напряжением между низшим духовенством (диаконы и псаломщики) и приходскими священниками. Более того, обиженные представители низшего духовенства часто использовали революционную классовую риторику для формулирования своих претензий и целей. Это напряжение выявило такие противоречия, характерные для дореволюционных церковных имущественных отношений, ко-

1. *Л.* «Духовные пролетарии» Бессарабии // Бессарабский церковный голос. 1917. № 29–30 (23–30 июля). С. 541.

2. *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года. СПб., 2008. См. также: *Беглов А.* Российская революция и Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: от «церковной революции» к «канонической реставрации» // Христианос. 2017. № XXVI. С. 24–51.

торые делали реформу финансовых, правовых и управленческих структур прихода неподъемной. Упомянутый четырнадцатимесячный период продемонстрировал, как церковь может успешно смягчать недовольство приходского духовенства, сопротивляться введению политического языка, влияющего на принятие церковных решений, и поддерживать доверие к своим институтам — прежде всего Всероссийскому поместному собору 1917–1918 гг. В то же время этот период показал, что компромисс, достигнутый Всероссийским собором, не мог удовлетворить приходское духовенство, поскольку он пытался решить проблему материальной поддержки духовенства в рамках старой сословной системы, которая находилась в критическом состоянии, да и к тому же была обречена на фундаментальные изменения в процессе социально-политических преобразований, предпринятых большевиками в 1918 г.

Материальное положение приходского духовенства

Так называемый «приходской вопрос» включал целый ряд финансовых, социальных, административных, управленческих, образовательных и религиозно-нравственных аспектов, которые были «сложными, взаимосвязанными проблемами… стоящими перед церковью». Попытки реформ и контрреформ, предпринимаемые в течение десятилетий, показали, что на приходском уровне «трудно… точно определить, с чего начинать переустройство церкви»[3]. Начиная с 1860-х гг. под руководством Д.А. Толстого (обер-прокурор Св. Синода в 1865–1880 гг.) церковь начала ряд реформ, направленных на улучшение материального положения приходского духовенства и повышение уровня его служения. Например, реформа 1869 г. имела целью слияние приходов ради увеличения их размеров и достижения финансовой устойчивости; сокращение числа диаконов и псаломщиков; установление более высоких стандартов образования и подготовки священников для служения своей пастве[4]. Эти усилия привели к неоднозначным результатам, и следующий обер-прокурор К.П. Победоносцев изменил курс, укрепив власть епископов и восстановив закрытые приходы, а также диаконов, которые были отстранены

3. Freeze, G.L. (1985) “Introduction”, in I.S. Belliustin *Description of the Clergy in Rural Russia: The Memoir of a Nineteenth-Century Parish Priest*, p. 43. Ithaca: Cornell University Press.

4. Freeze, G.L. (1983) *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*, pp. 228–230, 315–319, 379–383. Princeton: Princeton University Press.

от службы. Однако и усилия Победоносцева не привели к особому прогрессу, поскольку они представляли собой «полумеры», которые давали простор конкурирующим силам в обществе[5]. Более того, лелеемая многими мечта о государственном жаловании для духовенства так и не воплотилась в жизнь.

Вопрос материального обеспечения духовенства был актуальным для жизни прихода и для отношений духовенства с прихожанами в первую очередь потому, что клирики получали доход из двух основных источников. Сельское духовенство кормилось от земли, но этот источник дохода порождал свои проблемы. Например, не все приходы выделяли своим священнослужителям предусмотренные законом земельные наделы в полном объеме. Кроме того, во многих случаях земля духовенства была плохого качества и неудобно расположена. При этом духовенство часто зависело от помощи прихожан, так как священнические обязанности не оставляли достаточно времени, чтобы работать на земле, а религиозное образование не давало подготовки к занятиям земледелием.

Другим источником дохода была плата за требы, то есть добровольные пожертвования прихожан при совершении определенных обрядов. Священнослужителям было запрещено требовать такой платы, и при отсутствии десятины или фиксированного дохода они были вынуждены деликатно испрашивать эти небольшие суммы у прихожан, которые сами жаловались на бедность, из года в год страдая от голода и экономических неурядиц. В результате духовенство не только находилось в тяжелом финансовом положении, но и испытывало неудобную социальную зависимость от приходской общины, членов которой было призвано учить, духовно опекать и нравственно возвышать[6].

Причт русского православного прихода обычно состоял из служителей трех разных чинов: священника, чье рукоположение сообщает ему божественную благодать для совершения всех церковных таинств, кроме самого рукоположения; диакона, который помогает священникам и епископам при совершении церковных таинств; и псаломщика[7], которого епископ благословляет читать

5. *Беглов А.* Конформизм приходской реформы К.П. Победоносцева // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 120.

6. Freeze, G.L. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform,* pp. 55–63.

7. В 1917 г. использовался термин *псаломщик*, который был введен в 1869 г. вместо двух предыдущих терминов *дьячок* и *пономарь*. Главной обязанностью псаломщика было пение и чтение, поэтому его часто называли *чтецом* или *певцом*.

и петь во время богослужения (что занимает значительную часть последнего). Священник и диакон именуются *священнослужителями*, что означает, что они получили благодать Святого Духа для совершения богослужения и таинств. Псаломщик — *церковнослужитель*, он выполняет литургические функции, не являющиеся существенными для совершения таинств[8]. Несмотря на это сакраментальное различие, в 1917 г. диаконы и псаломщики вместе называли себя «низшими членами клира»[9]. В 1914 г. Русская православная церковь насчитывала около 51 000 священников, 15 000 диаконов и 46 000 церковнослужителей[10]. Штат большинства приходов состоял из одного священника и одного псаломщика; в некоторых приходах было два псаломщика; в городских приходах часто служили и диаконы.

Такой состав приходского духовенства создавал трудности для получения вознаграждения от прихожан, поскольку члены причта должны были делиться доходом друг с другом. До 1730 г. епископы не пытались регулировать распределение приходского дохода, поскольку во многих случаях это было семейным делом: нередко священник и псаломщик были отцом и сыном. В XVIII в. семейные связи между священниками и псаломщиками ослабли, и епископы все чаще считали необходимым определить конкретный способ распределения приходского дохода. Священники обычно получали доход, в два-четыре раза превышающий доход псаломщика. В XVIII в. епархии устанавливали свои собственные правила распределения дохода. Более того, в 1780-х гг. во Владимиро-Суздальской епархии формулы распределения доходов в приходах различались, а в московских приходах доходы распределялись по скользящей шкале в зависимости от численности причта. Споры по поводу разделения дохода стравливали псаломщиков со священниками и нарушали мир в приходе[11].

8. Sokolof, D. (1975) *A Manual of the Orthodox Church's Divine Services*, pp. 23–25. Jordanville, NY: Holy Trinity Monastery.

9. *Будников Н.* Ответ на статью: «Кто вносит разруху в приходскую жизнь», напечатанную в Полоц. Епарх. Вед. за 1917 год № 43 // Полоцкие епархиальные ведомости. 1918. № 1 (4 января). С. 25.

10. *Смолич И.К.* История Русской Церкви, 1700–1917. Ч. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. С. 666. Смолич отмечает, что данные за 1914 г. неполные.

11. Freeze, G.L. (1977) *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*, pp. 136–138. Cambridge, MA and London: Harvard University Press.

Приходское духовенство и Февральская революция

После падения имперского режима реформаторские усилия церкви больше не были заблокированы тем, что Грегори Фриз назвал «двусмысленностью в отношениях между церковью и государством»[12]. Действительно, сразу после Февральской революции 1917 г. епархии всерьез взялись за разработку программ реформирования церкви на национальном, епархиальном и приходском уровнях. Новые редакции епархиальных изданий поощряли более свободное выражение идей[13]. В апреле и мае 1917 г. православные верующие собирались на «чрезвычайные епархиальные съезды», чтобы выдвинуть целый ряд предложений по реформам.

Диаконы и псаломщики в большинстве из 66 епархий организовались на уровне уездов, сформировав епархиальные союзы диаконов и псаломщиков, которые использовали революционный язык того времени. В Кишиневе и Полоцке они называли себя «пролетариями»[14]. Взяв в качестве одного из своих главных лозунгов «В единении — сила»[15], они призывали своих коллег объединиться, отмечая, что объединение и организация особенно необходимы в такие революционные времена. В Екатеринбурге и Омске они взывали к идеалам «братства» и «равенства»[16]. Таким образом, они претендовали на новый голос в принятии решений, которого ранее не имели на епархиальных съездах духовенства — главном органе самоуправления духовного сословия. И они получили право голосовать вместе со священниками

12. Freeze, G.L. (2001) "All Power to the Parish? The Problems and Politics of Church Reform in Late Imperial Russia", in M.K. Palat (ed.) *Social Identities in Revolutionary Russia*, p. 175. New York: Palgrave.

13. От редактора // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1917. № 21–22 (21–28 мая). С. 212; *Смелов И.* По поводу епархиальной газеты // Кишиневские епархиальные ведомости. 1917. № 23–24 (11–18 июня). С. 443. О епархиальных съездах, реформирующих журналы, см. также: Из епархиальной хроники // Тобольские епархиальные ведомости, 1917. № 29 (1 августа). С. 419.

14. См. сноску 1, а также: *Будников Н.* Ответ на статью: «Кто вносит разруху в приходскую жизнь» (с. 22), где диаконы и псаломщики описываются как «пролетарии из пролетариев».

15. См., например: *Селезнев И.* В единении — сила // Смоленские епархиальные ведомости. 1917. 19 (15–23 сентября). С. 71–73; 1917, 26 (22–30 ноября). С. 183–186; Союз духовенства Кишиневской епархии // Кишиневские епархиальные ведомости. 1917. 26–27 (2–9 июля). С. 496.

16. См., например: *Мирянин.* Голос мирянина // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1917. № 20 (14 мая). С. 195; Устав Братства диаконов и псаломщиков Омской епархии // Омские епархиальные ведомости. 1917. № 20 (14 мая). С. 5.

на местных церковных собраниях, что часто позволяло им в силу своей многочисленности контролировать результаты. В Кишиневской епархии они заявили о своем намерении «пропагандировать»[17] ради достижения справедливости, учредив для этого «исполнительный комитет»[18]. Для некоторых из этих организаций конечной целью было объединение с диаконами и псаломщиками из других епархий, чтобы их общие проблемы могли решаться на национальном уровне[19]. Кишиневский союз даже пытался обратиться за помощью непосредственно к Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов[20].

В своем исследовании религиозных активистов в русских селах Гленнис Янг отмечает, что современники вкладывали в приходскую реформу и даже в слова «приходская демократия» самые «различные и противоречивые политические смыслы»[21]. Каждый епархиальный союз диаконов и псаломщиков в 1917 г. создал свой собственный устав. Однако большинство организаций низшего духовенства сосредоточились на достижении двух основных целей.

Во-первых, псаломщики и диаконы стремились улучшить свое материальное положение, в первую очередь через перераспределение общеприходского дохода. Большинство предложений касались увеличения жалования как псаломщиков, так и диаконов путем вычитания из доли священников; в целом, предусматривалось снижение доли священника с приблизительно 50% от общего дохода приходского духовенства до 40–45%, причем большая часть освобожденных средств должна была отходить псаломщикам[22].

Те, кто стремился к реформам, оправдывали эти изменения своим плохим финансовым положением, и их публичные заяв-

17. Жизнь епархии. Протокол 1-го съезда диаконов и псаломщиков // Кишиневские епархиальные ведомости. 1917. № 26–27 (2–9 июля). С. 499.

18. См., например: Там же; *Л.* «Духовные пролетарии» Бессарабии. С. 541.

19. Собрание диаконов и псаломщиков г. Омска // Омские епархиальные ведомости, 1917. № 17 (23 апреля). С. 31.

20. *Л.* «Духовные пролетарии» Бессарабии. С. 544.

21. Young, G. (1997) *Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village*, p. 39. University Park: Pennsylvania State University Press.

22. Такое распределение было выражено в пропорциях. Ранее установленное распределение для штата из трех человек было следующим: 6:4:2 (6 частей из 12 — священнику; 4 части из 12 — диакону; 2 части из 12 — псаломщику). Стандартные предложения по реформе: 6:4-1/2:3 и 6:4:3.

ления были пронизаны классовым языком. Например, в Саратовской епархии некоторые «младшие клирики», как они себя называли, протестовали, указывая на то, что по сравнению со священником псаломщик — просто бедняк[23]. Конечно, мало кто из церковных людей считал, что сами приходские священники финансово обеспечены. Реформаторски настроенные псаломщики и диаконы также оправдывали перераспределение в свою пользу дохода священников тем, что при царском правительстве низшее духовенство находилось в униженном положении. В Кишиневе священников критиковали за то, что они являются «приверженцами старого порядка»[24]. Группа саратовских диаконов и псаломщиков вообще не считала себя клириками, поскольку они не имели «материальных преимуществ клириков»[25]. Они действительно возлагали вину за плачевное состояние приходов и приходских священников — на самих священников. Некий диакон, отвечая на статью священника, опубликованную в октябре 1917 г. в Полоцких епархиальных ведомостях, говорил о том, что эта статья — «зловредная агитация», и настаивал на том, что именно священник «расшатал сам свой авторитет, и когда последний падает — сваливает вину на псаломщиков»[26].

Во-вторых, целью диаконов и псаломщиков было улучшение их правового статуса, в первую очередь за счет получения права голоса на церковных собраниях. До Февральской революции церковные назначения оставались исключительной прерогативой епископов и епархиальных консисторий. На собраниях духовенства псаломщики не имели голоса, равного голосам священников[27]. Однако псаломщики и диаконы получили полное право голоса на чрезвычайных епархиальных съездах, которые созывались для обсуждения церковных реформ. Такое право отстаивали не только представители низшего духовенства — священники также это приветствовали. Например, священник М. Титов, предваряя первый «свободный» епархиальный съезд Екатеринбургской епархии, заявил, что «основным принципом свободной деятель-

23. В Балашовском союзе диаконов и псаломщиков // Саратовские епархиальные ведомости. 1917. № 33 (21 ноября). С. 1191.

24. *Л.* «Духовные пролетарии» Бессарабии. С. 544.

25. В Балашовском союзе диаконов и псаломщиков. С. 1191.

26. *Будников Н.* Ответ на статью: «Кто вносит разруху в приходскую жизнь». С. 22.

27. *Ладинский М.* Голос псаломщика // Псковские епархиальные ведомости. 1917. № 2–3 (15 января — 15 февраля). С. 41–42.

ности духовенства должно стать выборное начало». «Административный институт благочинных и духовных следователей, — продолжал он, — пусть заменится выборным, и этому надлежит положить начало теперь же»[28]. А диакон из Полоцкой епархии Николай Будников точно заметил, что широкое выборное начало «уже стяжало свои симпатии в церковной жизни и есть для нее вопрос настоящего дня»[29].

Внеочередные епархиальные съезды призывали к созданию в будущем новой системы распределения церковных доходов или требовали немедленного внесения конкретных изменений. Большинство епархий предложили сократить долю священника в доходах примерно на пять процентов (с 50% до 44,4%) — как в Курске, Чернигове и Перми — или примерно на девять процентов (с 50% до 41,6%) — как в Орле и Туле[30]. Однако, поскольку при-

28. *Титов М.* Окружная организация духовенства (мысли иерея) // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1917. № 20 (14 мая). С. 193.

29. *Будников Н.* Ответ на статью: «Кто вносит разруху в приходскую жизнь». С. 27.

30. Информация об этих внеочередных епархиальных съездах содержится в различных источниках, в которых обычно указаны даты их проведения (в основном с конца апреля до конца июля 1917 г.), измененное пропорциональное распределение церковных доходов и общая повестка дня. В этой статье мы использовали в первую очередь епархиальные ведомости, а также два архивных файла в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ): ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 584 (собрание протоколов приходских и епархиальных собраний, а также писем и заявлений духовенства по вопросу распределения дохода; эти документы были направлены в Святейший Синод, затем переданы в Предсоборный Совет и, наконец, на Всероссийский церковный собор — в отдел о правовом и имущественном положении духовенства); ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 442 (письма и ходатайства духовенства, направленные на Всероссийский собор между маем 1917 г. и мартом 1918 г. и переданные в вышеупомянутый отдел). Ссылки на конкретные епархиальные съезды см., например, в: *Владимир*: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 584. Л. 37–38 об. *Екатеринбург*: *Титов М.* Окружная организация духовенства (мысли иерея) // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1917. № 20 (14 мая). С. 193; 16 мая 1917 года // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1917. № 21–22 (21–28 мая). С. 198–199. *Курск*: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 584, л. 86; *Авдиев А.* По вопросу о новом порядке дележа приходских доходов // Курские епархиальные ведомости, 1917. № 24–25 (1–22 июля). С. 255. *Новгород*: На епархиальном съезде // Новгородское епархиальное обозрение. 1917. № 10 (15–31 мая). С. 417–418. *Омск*: По России. Епархиальные съезды, собрания и выступления духовенства // Омские епархиальные ведомости. 1917. № 15–16 (16 апреля). С. 29 [содержит также отчеты о собраниях в Москве, Владивостоке, Коломне, Владикавказе и Нижнем Новгороде]. *Орел*: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 584. Л. 15. *Пермь*: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 584. Л. 69. *Полоцк*: Журнал общего заседания чрезвычайного съезда представителей духовенства и мирян Полоцкой Епархии. № 1 // Полоцкие епархиальные ведомости. 1917. № 16 (30 апреля). С. 433–435. *Саратов*: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 584. Л. 64. *Смоленск*: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 442. Л. 87. *Тобольск*: Протокол заседаний чрезвычайного епархиального съезда духовенства и мирян Тобольской епархии 20–27 мая 1917 года // Тобольские епархиальные ведомости.

ходские штаты были разными (например, в некоторых приходах штат состоял из одного священника, одного диакона и двух псаломщиков), были случаи, когда священник терял до четверти своего дохода.

Св. Синод отвечает

Св. Синод в Петрограде — в то время высшая церковная власть — с надеждой и трепетом взирал на эти инициированные с мест реформы. С одной стороны, Синод надеялся использовать всеобщий реформаторский энтузиазм, тем более что обер-прокурор Временного правительства В. Н. Львов дал Синоду указание готовить долгожданный Всероссийский церковный собор, целью которого как раз и было проведение столь необходимых церковных реформ. С другой стороны, Синод опасался, что неконтролируемое и чрезмерное рвение разрушит порядок, необходимый для проведения фундаментальных административных реформ.

Например, 28 апреля 1917 г. Святейший Синод принял делегацию из Твери (в составе двух протоиереев и двух мирян), которая представила решения последнего епархиального съезда Тверской епархии. Съезд лишил епархиального архиерея административных полномочий, передал его функции епархиальному совету и признал решения епархиальной консистории недействительными. Как заметил один русский епископ спустя годы, «власть архиереев в епархиях сохранялась, видимо, лишь по традиции, в силу личного авторитета архипастырей и новизны новых порядков, не успевших еще войти в жизнь»[31]. Член Синода протопресвитер Николай Любимов отметил в своем дневнике, что Тверская церковь находилась в состоянии полной анархии[32]. Две недели спустя (16 мая) Любимов заявил группе ведущих московских церковных интеллектуалов, «что современный состав Синода, не нарушая основных устоев церковной жизни, вынужден идти навстречу потребностям времени, иначе сама действительность выльется в такие уродливые формы жизни, которые пря-

1917. № 22 (8 июня). С. 307–320. *Тула* ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 584. Л. 2–11. *Чернигов*: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 584. Л. 66.

31. *Никон (Рклицкий), еп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. Том IV. Нью-Йорк, 1958. С. 136.

32. *Любимов Н.* Дневник о заседаниях вновь сформированного синода (12 апреля — 12 июня 1917 г.) // Российская церковь в годы революции (1917–1918 гг.). М., 1995. С. 23.

мо уже поведут к полной разрухе, явятся открытым проявлением анархии (как было в Твери, Саратове и др. местах)»[33]. Описание ситуации в Твери, данное П.Г. Рогозным, показывает, что в провинции протесты против епископов и Св. Синода часто исходили от низшего духовенства и «во многих провинциальных епархиях церковная революция принимала радикальный характер»[34], на что Синод в Петрограде не мог не реагировать.

Поэтому Синод своим Указом № 2668 от 1–5 мая 1917 года[35] призвал духовенство и представителей приходов созывать внеочередные епархиальные съезды «в ближайшие дни» для обсуждения проблем, существующих в епархии и во всей церкви. Конечной целью этих съездов, по мнению Синода, должно было стать донесение «решений» и «пожеланий» от каждой епархии до Св. Синода в связи с предстоящим Всероссийским церковным собором[36]. Характерно, что к тому времени, когда Синод издал указ о созыве епархиальных съездов, во многих епархиях такие съезды уже состоялись. Более того, эти общеепархиальные съезды во многих случаях просто шли в ногу с местными событиями. Так, например, на собрании младших клириков Балашовского уезда Саратовской губернии было принято постановление о новом распределении доходов, которое должно было вступить в силу с 1 мая 1917 г. (за четыре дня до указа Синода); балашовские диаконы и псаломщики обещали «энергично» выполнять свое постановление до принятия окончательного решения Всероссийским церковным собором[37].

Священники отвечают

Между тем, священники негативно отреагировали на решения епархиальных съездов о перераспределении доходов прихода в пользу диаконов и псаломщиков. Следует отметить, что лишь немногие священники отрицали факт тяжелого материально-

33. Там же. С. 67.

34. *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года. С. 110 (подробное описание событий в Твери см. на с. 98–110).

35. ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 584. Л. 4об.

36. Указ из Святейшего Правительствующего Синода // Пензенские епархиальные ведомости. 1917. № 11–12 (1-16 июня). С. 113–114.

37. *Младшие клирики*. В Балашовском союзе диаконов и псаломщиков // Саратовские епархиальные ведомости. 1917. № 33 (21 ноября). С. 1187–1188.

го положения псаломщиков[38]. Тем не менее, за редким исключением приходские священники возмущались тем, что доходы псаломщиков растут за их счет. Группа священников Владимирской епархии, обратившись к епархиальным властям, высказала типичное возражение: «Ни в одном учреждении со времени революции не было примера, чтобы положение одних служащих улучшалось на счет положения других служащих — их сослуживцев»[39]. Подобным образом один из курских священников задавался вопросом, почему именно священников выделяют в качестве основного средства для повышения жалования псаломщикам и диаконам: «Дело... в том, почему это улучшение материального достатка псаломщиков должно идти за счет священнического кармана? ... Положение для всех классов и групп общества, для всей России, создалось критическое, но в поисках выхода из трудного положения отнять от одного и дать другому — никуда не годное средство... Не считайте священников богачами, а псаломщиков бедняками! По нынешнему тяжелому времени мы все бедны...»[40] Короче говоря, священники были возмущены тем фактом, что низшее духовенство использовало классовые аргументы для извлечения денег из доходов священников.

Таким образом, решения епархиальных съездов о перераспределении доходов духовенства привели к тому, что священники либо подвергали псаломщиков критике за их деятельность, либо открыто не подчинялись этим решениям. Например, в прошении, поданном в Св. Синод в июне 1917 г. настоятелем, двумя протоиереями и священником Юрьевского Георгиевского собора Владимирской епархии, было написано следующее: «Если новый порядок раздела устанавливается в видах улучшения материального положения низших членов причта, то едва ли представляется справедливым улучшать их положение за счет старших. Ведь

38. Исключение составлял священник К. Всехсвятский, который считал приходских священников «козлами отпущения» и подверг жесткой критике Всероссийский церковный собор за окончательное решение повысить жалование псаломщикам за счет священников. Всехсвятский заметил, что «вместо созданного воображением псаломщического кризиса, которого не было и которого по существу не может быть, на Церковь надвинется реальный, гораздо более грозный пастырский кризис». — *Всехсвятский К.* Козел отпущения // Смоленские епархиальные ведомости. 1918. № 1 (1–7 января). С. 10.

39. О распределении доходов между членами причта // Полоцкие епархиальные ведомости. 1917. № 35 (3 августа). С. 892.

40. *Авдиев А.* По вопросу о новом порядке дележа приходских доходов // Курские епархиальные ведомости. 1917. № 24–25 (1–22 июля). С. 258–259.

и старшие члены причта должны быть признаны по справедливости весьма нуждающимися в улучшении их материального положения, и они ждали этого, жили этой надеждой, и вот вдруг, как гром с безоблачного неба, их поражает какая-то кара»[41].

Наблюдатель из Кишиневской епархии сообщал, что большинство духовенства отказывается подчиняться новым епархиальным правилам распределения доходов, а те, которые подчиняются, жалуются на это[42]. Некоторые священники зашли настолько далеко, что стали называть псаломщиков «приходским злом» — потому что они агитируют против священников и вносят разделение в приходы[43]. Один мирянин из Екатеринбурга, отражая широко распространенное мнение священников, заметил, что апелляция псаломщиков к «равенству, братству и любви» почти исключительно касается равенства; он обвинял псаломщиков в том, что они смотрят на равенство только с материальной точки зрения[44]. Подобные обвинения соответствовали распространенному среди священников мнению, которое выразил автор из Самарской епархии: когда псаломщики на епархиальных съездах добиваются перераспределения дохода от священников в свою пользу, это ведет «не к [внутрицерковному] объединению, а большому разделению»[45].

Кроме того, священники считали решения епархиальных съездов о доходах священнослужителей незаконными и недопустимыми с административной точки зрения. Они настаивали на том, что эти решения не являются юридически обязательными, поскольку еще требуют надлежащего одобрения со стороны высшей церковной власти. Действительно, Св. Синод ограничил полномочия новых собраний; в своем майском указе (№ 2668), определяющем порядок более широкого участия верующих в церковных делах, Синод заявил, что никакие решения обязательного характера (например, касающиеся доходов духовенства) не могут выполняться без одобрения епархиального епископа или са-

41. ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 584. Л. 38.

42. *Л.* «Духовные пролетарии» Бессарабии. С. 542–544.

43. *С.Г.О.* Наше приходское зло // Кишиневские епархиальные ведомости. 1917. № 25 (25 июня). С. 465–466.

44. *Мирянин.* Голос мирянина // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1917. № 20 (14 мая). С. 195.

45. Плач и стон и горе (Картины жизни современного духовенства по данным Союза священников Самарской епархии) // Самарские епархиальные ведомости. 1918. № 5 (1/14 марта). С. 192.

мого Синода[46]. Таким образом, священники различными способами призывали к принятию официальных решений со стороны вышестоящих административных органов, не собираясь подчиняться постановлениям епархиальных съездов как низовых инициатив. Поэтому некоторые священники утверждали, что такие постановления требуют одобрения епархиальных консисторий[47]. Другие настаивали на том, что местные решения должны быть санкционированы Св. Синодом[48]. Наконец, священники утверждали — по крайней мере, в прессе, — что деликатный вопрос распределения приходских доходов должен быть решен Всероссийским церковным собором, который, согласно каноническому праву, считался высшей властной инстанцией в церкви[49].

Скептицизм приходских священников по отношению к епархиальным съездам был связан также с недоверием и неудовлетворенностью, которые вызывало у них «выборное начало», после февраля 1917 г. воспринятое многими с большим энтузиазмом. Например, в некоторых епархиях стали тайным голосованием избирать консисторских чиновников[50]. В то же время многие приходы бесцеремонно выгоняли священников и избирали других. Более того, епархиальные съезды предоставляли псаломщикам равные избирательные права на уездных, благочинических и епархиальных собраниях духовенства. В одиннадцати епархиях, в том числе в Петрограде и Москве[51], архиерейские кафедры были замещены по итогам голосования[52]. Священники пыта-

46. Указ из Святейшего Правительствующего Синода // Пензенские епархиальные ведомости. 1917. №11–12 (1–16 июня). С. 112.

47. См., например: *Л.* «Духовные пролетарии» Бессарабии. С. 541; Кто вносит разруху в приходскую жизнь. С. 1106.

48. Распределение доходов между членами причта. С. 893.

49. *Селезнев И.* В единении — сила. С. 71–73.

50. *Будников Н.* Ответ на статью «Кто вносит разруху в приходскую жизнь». С. 29.

51. *Н.Е-в.* Первый выборный митрополит. Епархиальным собором избран на пост митрополита петроградского епископ Вениамин Гдовский // Туркестанские епархиальные ведомости. 1917. № 12 (15 июня). С. 183–185; *Шкаровский М.В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917–1945. СПб., 1995. С. 19; Живая жизнь: III. Первый московский архипастырь по свободному избранию церковного клира и народа // Богословский вестник. 1917. № 328 (июнь — июль). С. 135–142; Известия и заметки // Пензенские епархиальные ведомости. 1917. № 7–8 (1–16 апреля). С. 247–248; *Голубцов С.* Московское духовенство в преддверии и начале гонении 1917–1922 гг. М, 1999. С. 14, 31–35.

52. *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года. С. 201. Рогозный отмечает, что во всех одиннадцати епархиях, избравших епископов, предыдущие епископы были смещены по той или иной причине. Епархиальные выборы состоялись в сле-

лись отменить новое распределение доходов потому, что многие считали сами выборы вредными для церковной жизни. По словам саратовского автора, выборы породили произвол, тогда как надлежащее управление обеспечивало порядок[53]. В Курске один из наблюдателей отмечал, что «отрицать важность и жизненное значение выборного начала духовенства в деле современного церковного строительства вряд ли возможно, но при самом своем возникновении у нас оно приняло такие уродливые формы… [и] в современном его состоянии оказывает вредное, разрушающее влияние на все стороны церковной жизни». «Приход, — продолжал он, — сейчас в большинстве своем малосознателен и выборами руководит заинтересованная кучка людей»[54]. В худшем случае, как заявил один из кишиневских авторов, выборное начало обернулось откровенным подкупом голосующих[55].

Авторитет Всероссийского церковного собора

Несмотря на то, что епархиальные съезды пользовались популярностью, епархиальные власти не считали себя правомочными утверждать или отвергать новые правила распределения приходских доходов, учитывая новые условия, в которых церковь принимала решения. Поэтому Синод получал множество писем от епархиальных консисторий и епископов с просьбой вынести авторитетное и окончательное решение по вопросу о доходах духовенства[56]. В конце концов, Синод передал эти материалы комиссии, которая осуществляла подготовку к созыву Всероссийского церковного собора.

После избрания в каждой епархии представителей от духовенства и мирян на этот общенациональный церковный форум собор был, наконец, созван в августе 1917 г. — в атмосфере ожи-

дующие дни: Чернигов (3 мая), Петроград (21 мая), Москва (24 июня), Тула (22 июля), Курск (9 августа), Владимир (9 августа), Рязань (22 июня, 9 августа), Харьков (11 августа), Орел (12 августа), Саратов (14 августа), Екатеринбург (25 мая, 8 августа, 26 октября).

53. См., например: *Хитров А.* Неотложная нужда в профессиональном союзе для духовенства // Саратовские епархиальные ведомости. 1917. № 25 (1 сентября). С. 895–898.

54. *С-ский В.* К недостаткам выборного начала в приходах // Курский епархиальный вестник. 1918. № 14–15 (8/21–15/28 апреля). С. 292–301.

55. *Л.* «Духовные пролетарии» Бессарабии. С. 542–543.

56. ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 584. Л. 2.

дания реформ. В конце концов, еще с 1905 г. церковь намеревалась провести такой собор, чтобы отреагировать на кризис, связанный с нарастающим религиозным безразличием в обществе. Многие стремились переформатировать Русскую православную церковь на всех уровнях, а именно: освободить церковно-административную структуру от государственного контроля; децентрализовать процесс принятия решений; предоставить больше полномочий приходскому духовенству и мирянам за счет епископата; передать юридические и финансовые полномочия приходам; и провести литургические реформы ради активизации религиозного участия в церковной жизни со стороны верующих. Собор, открывшийся 15 августа 1917 г., стал интерактивным мероприятием, в ходе которого не только епископы, но и миряне, приходское духовенство и «религиозная интеллигенция» получили право голоса при определении будущего церкви. Как отмечает Алексей Беглов, собор в своей работе исходил не из сословных, а из общецерковных интересов, и в его структуре соблюдался баланс между принципом соборности и принципом апостольского преемства иерархии[57].

Состоявшиеся на соборе дебаты между приходскими священниками, с одной стороны, и низшим духовенством, включающим псаломщиков и диаконов, с другой, обнаружили их разобщенность, а также сложность тех проблем, с которыми столкнулась церковь. Петиции и письма низшего духовенства поступили в соборный отдел о правовом и имущественном положении духовенства, который, в частности, должен был рекомендовать собору конкретные решения относительно нового распределения доходов приходского духовенства. На двух ранних сессиях собора (13 и 16 октября) в этом отделе обсуждали проблему распределения доходов и рассмотрели формулы, предложенные ранее в том же году другими церковными собраниями[58]. В конце концов, отдел отверг старую дореволюционную формулу, которая давала священнику 50% дохода, диакону — 33,3% и псаломщику — 16,6%, посчитав, что такое распределение слишком оскорбительно для низшего духовенства и слишком мало ему уделяет средств. Аб-

57. *Беглов А.* Всероссийский церковный собор 1917–1918 гг. как явление соборной практики Церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 59, 61.

58. В частности, отдел рассмотрел формулу, принятую Всероссийским съездом духовенства и мирян в июне 1917 г., в соответствии с которой доля священника сократилась с 50% до 44,4% (6:4-1/2:3).

солютным большинством голосов (при трех против) отдел предложил новую формулу, которая сократила доходы священника на 4% (с 50% до 46%) и диакона — на 2% (с 33,3% до 31%), а также увеличила долю псаломщика более чем на 6% (с 16,6% до 23%). В надежде положить конец разделившим духовенство текущей весной раздорам, которые, по словам полоцкого автора, порождали «страшную вражду» на уездных и епархиальных съездах, отдел создал специальную комиссию, чтобы собрать всех членов отдела и помочь избежать разногласий на пленарном заседании собора[59].

После бурных дебатов 25 ноября 1917 г. собор издал указ, согласно которому для приходов *со штатом в три человека* было принято предложенное распределение, которое сократило долю священника в общем доходе духовенства на 4%, диакона — на 2%, а долю псаломщика увеличило более чем на 6%. Однако в некоторых случаях священники теряли не 4%, а до четверти своих доходов, поскольку указом устанавливались различные схемы распределения в зависимости от того, сколько священников и какого статуса служит в том или ином приходе. Новое распределение вступало в силу 1 января 1918 г.

Это решение вызвало лишь дальнейшие протесты со стороны приходских священников, которые теперь обращались либо к собору, либо к новоизбранному патриарху Тихону. Типичную жалобу священников представляет письмо, направленное патриарху группой московских священников. Поскольку, по словам этих священников, в большинстве московских приходов был один священник, один диакон и два псаломщика, в таких случаях священники теряли бы до 25% своих доходов, чтобы удовлетворить потребности обоих псаломщиков[60]. Священники «с грустью» восприняли известие об указе собора и, прося патриарха пересмотреть соборное решение, посчитали нужным сообщить ему об их «общей скорби» по этому вопросу[61]. «Постановление Собора, — писали они, — безусловно обидное и морально и материально для настоящего состава священников»[62]. Собор просто

59. *Стальмашевский А.* К сведению духовенства и мирян Полоцкой епархии о деяниях Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви // Полоцкие епархиальные ведомости. 1917. № 45 (28 октября). С. 1159.

60. Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 833. Оп. 1. Д. 48. Л. 40.

61. РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 48. Лл. 40–41.

62. РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 48. Лл. 43.

обеспечивал «одного пролетария [псаломщика] за счет другого». Они утверждали, что «предложенный собором способ есть не решение вопроса об обеспечении псаломщиков, а только случайная подачка нуждающемуся за счет другого тоже нуждающегося»[63]. После того, как протест московских священников был опубликован в нижегородском журнале в начале 1918 г., местные священники, не подчинившись указу собора, решили распределять приходской доход по-старому, что было более выгодно для священников[64]. Это побудило 43 нижегородских псаломщиков и диаконов 1 марта 1918 г. обратиться к собору с призывом не пересматривать порядок распределения доходов[65].

В ответ на подобные протесты данный вопрос снова был рассмотрен в соборном отделе о правовом и имущественном положении духовенства. В конце концов, 21 марта / 3 апреля 1918 г. собор оставил в силе свой предыдущий указ[66], но сделал к нему добавление, регулирующее распределение дохода в приходах со штатом в 4 человека (подобных соответствующим московским). В этих двух решениях предпринималась попытка учесть различия приходских штатов и в то же время обеспечить выполнение ранее принятого соборного решения по данному вопросу.

Действия собора по вопросу о доходах духовенства представляют собой одно из немногих решений, которые Всероссийский церковный собор смог реализовать, а затем пересмотреть после широкой реакции духовенства с мест. По большинству других вопросов собор — в условиях бурных революционных процессов — либо не смог принять решений, либо не имел возможности их осуществить. Учитывая разнообразие конфликтующих повесток, подходов и действий в среде приходского духовенства, можно сказать, что данный вопрос выявил те трудности, с которыми Русской православной церкви пришлось бы столкнуться, даже если бы большевики не сохранили власть. Хотя вряд ли можно оценить, насколько широким было недовольство соборными решениями, сама риторика протестующих и возникшее у них

63. РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 48. Лл. 46–47.

64. ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 447. Лл. 142–143.

65. ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 447. Л. 143.

66. Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о разделе местных средств содержания приходского духовенства 25 ноября 1917 г. и 21 марта (3 апреля) 1918 г. // Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 1–4. М., 1918 (репринт: М., 1994). С. 24–25.

чувство обиды свидетельствуют о той решительности, с которой многие из верующих подошли к этой сложной проблеме. Митрополит Евлогий (Георгиевский), который в 1917 г. был архиепископом Волынским и активным участником Всероссийского церковного собора, в своих мемуарах вспоминал, насколько резко вели себя диаконы и псаломщики весной 1917 г. и насколько негативную реакцию они вызывали: «У нас, на Волыни (как и во многих епархиях в те дни), среди низших церковнослужителей, диаконов и псаломщиков, началось брожение. Вскоре их насмешливо прозвали “социал-диаконами” и “социал-псаломщиками”. Они потребовали от меня спешного созыва Епархиального съезда для обсуждения текущих вопросов»[67].

Псаломщики достигли своей цели — увеличить свою долю в приходском доходе, но не без долгого сопротивления со стороны священников. Один из самых возмущенных священников, протестовавших против соборного решения, заявил, что собор является большевистским по своей природе. «В этом постановлении, — писал священник К. Всехсвятский из Смоленска, — как в зеркале отразились все наиболее отрицательные типические черты господствующего ныне большевизма: и одностороннее, исключительное внимание только к низшему роду труда, при презрении к высшему, и бесцеремонное обращение с чужою собственностью, и неуважение к святыне»[68].

Заключение

Горячий вопрос о «духовных пролетариях» порождает три вывода относительно способности церкви проводить эффективные реформы, сохраняя единство церкви и легитимность ее институтов — прежде всего Всероссийского церковного собора — в глазах епископов, духовенства и верующих в эпоху революционных потрясений.

Во-первых, это была лишь одна из многих трудноразрешимых проблем, связанных с положением духовного сословия. Соборные решения о распределении доходов духовенства касались только одного аспекта приходского вопроса — никакого всеобъемлющего плана его решения не было. Равным образом, решения собора

67. *Евлогий (Георгиевский), митрополит*. Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994 (Париж, 1947). С. 264.

68. *Всехсвятский К.* Козел отпущения. С. 7.

не учитывали в достаточной степени напряженность и противоречия внутри духовного сословия, когда имели целью материальную поддержку клириков и одновременно предоставление большего голоса диаконам, псаломщикам и мирянам. На самом деле вопрос о «духовных пролетариях» представлял собой лишь один элемент «церковной революции» 1917 г.; другие элементы включали конфликты между центральной церковной администрацией (Св. Синодом) и обер-прокурором Временного правительства, между приходским духовенством и епископатом и между прихожанами и существующей системой епархиальной и приходской администрации[69].

Во-вторых, использование низшим духовенством в 1917 г. революционного языка не означало фундаментального упадка церковной веры и ее замены политической идеологией, но по большей части служило средством, с помощью которого оно формулировало свои требования. Попытка псаломщиков и диаконов добиться финансовой стабильности и электорального равенства спровоцировала разделение в среде духовенства в то самое время, когда сторонники церковных реформ надеялись объединить и укрепить Русскую православную церковь. Введение представителями низшего духовенства языка классовой борьбы в обсуждение церковных дел дало им возможность привлечь к себе внимание и вызвать сочувствие к своему бедственному финансовому положению. Кроме того, обретенное псаломщиками право голоса на церковных собраниях сыграло решающую роль в продвижении ими своей повестки дня. Курский священник, который сетовал, что псаломщики злоупотребляют принципом выборности, занимал взвешенную позицию, отражающую общий подход церкви в целом, когда говорил о том, что «с введением выборного начала разрушилось и прежнее призрачное единение» церкви[70]. Собор успешно сопротивлялся использованию светского языка, вместо этого основывая свои решения на традиционной церковной этике, которая учитывала дух времени, но не вполне ему соответствовала. Собор сочетал народное участие (*соборность*) с традиционными епископскими полномочиями, которые были сохранены в процедуре принятия соборных решений. Как справедливо замечает А. Беглов в своей статье о переходе в 1917 г. от «церковной революции» к «канонической реставрации», поли-

69. *Беглов А.* Российская революция и Священный Собор. С. 34–36.

70. *С-ский В.* К недостаткам выборного начала в приходах. С. 294.

тический протест фактически маскировал главный мотив «церковной революции» — перераспределение власти внутри церкви[71].

Наконец, что касается распределения приходского дохода, то церкви удалось построить единство на новых условиях, а именно через включение новых голосов в процесс принятия решений на всех уровнях управления. Критики этих новых голосов сочувствовали бедственному положению низшего духовенства, но опасались, что церковь уязвима для произвола в принятии решений на основе голосования и для сеющей рознь классовой риторики. В итоге Русская православная церковь, приняв решение о новом способе распределения приходских доходов, сделала приоритеты низшего духовенства своими собственными приоритетами. Горькое разочарование многих священников решениями собора отражало их крайнее недовольство тем, что, по их мнению, было проявлением несправедливости. Возможно, более важным является то, что сама эта горечь и неохотное согласие свидетельствуют о признании священниками легитимности собора. Даже когда собор принял определение, противоречащее интересам самих священников, неповиновение окончательному решению было исключением, а не правилом. За описанным четырнадцатимесячным эпизодом, который выявил лишь один аспект «церковной революции» в целом и «приходского вопроса», в частности, последовали другие исторические эпизоды, в которых церковная власть — как центральная, так и местная — была вынуждена адаптироваться к новым реалиям, порожденным властью большевиков.

Перевод с английского Александра Кырлежева

Библиография / References

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф. 3431 — Всероссийский церковный поместный собор (Священный собор).

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Ф. 833 — Священный собор Православной российской церкви.

Литература

Авдиев А. По вопросу о новом порядке дележа приходских доходов // Курские епархиальные ведомости. 1917. № 24–25 (1–22 июля). С. 255–260.

71. *Беглов А.* Российская революция и Священный Собор. С. 37.

Беглов А. Всероссийский церковный собор 1917–1918 гг. как явление соборной практики Церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 51–73.

Беглов А. Конформизм приходской реформы К.П. Победоносцева // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 107–123.

Беглов А. Российская революция и Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: от «церковной революции» к «канонической реставрации» // Христианос. 2017. № XXVI. С. 24–51.

Будников Н. Ответ на статью: «Кто вносит разруху в приходскую жизнь», напечатанную в Полоц. Епарх. Вед. за 1917 год № 43 // Полоцкие епархиальные ведомости. 1918. № 1 (4 января). С. 21–30.

В Балашовском союзе диаконов и псаломщиков // *Саратовские епархиальные ведомости.* 1917. № 33 (21 ноября). С. 1186–1191.

Всехсвятский К. Козел отпущения // Смоленские епархиальные ведомости. 1918. № 1 (1–7 января). С. 6–12.

Голубцов С. Московское духовенство в преддверии и начале гонении 1917–1922 гг. М., 1999.

Н.Е-в. Первый выборный митрополит. Епархиальным собором избран на пост митрополита петроградского епископ Вениамин Гдовский // Туркестанские епархиальные ведомости. 1917. № 12 (15 июня). С. 183–185.

Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994 (Париж, 1947).

Живая жизнь: III. Первый московский архипастырь по свободному избранию церковного клира и народа // Богословский вестник. 1917. № 328 (июнь — июль). С. 135–142.

Жизнь епархии. Протокол 1-го съезда диаконов и псаломщиков // Кишиневские епархиальные ведомости. 1917. № 26–27 (2–9 июля). С. 498–500.

Из епархиальной хроники // Тобольские епархиальные ведомости. 1917. № 29 (1 августа). С. 419.

Известия и заметки // Пензенские епархиальные ведомости. 1917. № 7–8 (1–16 апреля). С. 244–253.

Л. «Духовные пролетарии» Бессарабии // Бессарабский церковный голос. 1917. № 29–30 (23–30 июля). С. 541–544.

Ладинский М. Голос псаломщика // Псковские епархиальные ведомости. 1917. № 2–3 (15 января — 15 февраля). С. 40–42.

Любимов Н. Дневник о заседаниях вновь сформированного синода (12 апреля — 12 июня 1917 г.) // Российская церковь в годы революции (1917–1918 гг.). М., 1995. С. 23.

Мирянин. Голос мирянина // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1917. № 20 (14 мая). С. 194–197.

Младшие клирики. В Балашовском союзе диаконов и псаломщиков // Саратовские епархиальные ведомости. 1917. № 33 (21 ноября). С. 1187–1191.

Никон (Рклицкий), еп. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. Том IV. Нью-Йорк, 1958.

О распределении доходов между членами причта // Полоцкие епархиальные ведомости. 1917. № 35 (3 августа). С. 889–892.

Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о разделе местных средств содержания приходского духовенства 25 ноября 1917 г. и 21 мар-

та (3 апреля) 1918 г. // Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 1–4. М., 1918 (репринт: М., 1994). С. 24–25.

От редактора // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1917. № 21–22 (21–28 мая). С. 212–213.

Плач и стон и горе (Картины жизни современного духовенства по данным Союза священников Самаркой епархии) // Самарские епархиальные ведомости. 1918. № 5 (1/14 марта). С. 192.

Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года. СПб., 2008.

С-ский В. К недостаткам выборного начала в приходах // Курский епархиальный вестник. 1918. № 14–15 (8/21–15/28 апреля). С. 292–301.

С.Г.О. Наше приходское зло // Кишиневские епархиальные ведомости. 1917. № 25 (25 июня). С. 465–467.

Смелов И. «По поводу епархиальной газеты» // Кишиневские епархиальные ведомости. 1917. № 23–24 (11-18 июня). С. 443–444.

Смолич И.К. История Русской Церкви, 1700–1917. Ч. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996.

Собрание диаконов и псаломщиков г. Омска // Омские епархиальные ведомости. 1917. № 17 (23 апреля). С. 31–32.

Стальмашевский А. К сведению духовенства и мирян Полоцкой епархии о деяниях Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви // Полоцкие епархиальные ведомости. 1917. № 45 (28 октября). С. 1158–1163.

Титов М. Окружная организация духовенства (мысли иерея) // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1917. № 20 (14 мая). С. 192–194.

Указ из Святейшего Правительствующего Синода // Пензенские епархиальные ведомости. 1917. № 11–12 (1–16 июня). С. 109–114.

Устав Братства диаконов и псаломщиков Омской епархии // Омские епархиальные ведомости. 1917. № 20 (14 мая). С. 5–9.

Хитров А. Неотложная нужда в профессиональном союзе для духовенства // Саратовские епархиальные ведомости. 1917. № 25 (1 сентября). С. 895–898.

Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917–1945. СПб., 1995.

Archival materials

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of Russian Federation].

F. 3431 — Vserossiiskii tserkovnyi pomestnyi sobor (Sviashchennyi sobor) [All-Russian Local Council (Holy Council)].

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

F. 833 — Sviashchennyi sobor Pravoslavnoi rossiiskoi tserkvi [Holy Council of the Orthodox Russian Church].

Literature

Avdiev, A. (1917) “Po voprosu o novom poriadke delezha prichtovykh dokhodov” [On the issue of the new distribution of parish revenue], *Kurskie eparkhial’nye vedomosti* 24–25 (July 1–22): 255–260.

Beglov, A. (2014) “Konformism prikhodskoi reformy K.P. Pobedonostseva” [The conformism of the parish reform of K.P. Pobedonostsev], *Quaestio Rossica* 3: 107–123.

Beglov, A. (2016) "Vserossiiskii tserkovnyi sobor 1917-1918 gg. kak iavlenie sobornoi praktiki Tserkvi" [All-Russian Church Council 1917–1918 as a manifestation of the conciliar practice of the Church], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 1: 51–73.

Beglov, A. (2017) "Rossiiskaia revoliutsiia i Sviashchennyi Sobor Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi 1917–1918 gg.: ot "tserkovnoi revoliutsii" k "kanonicheskoi restavratsii"" [The Russian Revolution and the Holy Council of the Orthodox Russian Church of 1917–1918: from the "church revolution" to the "canonical restoration"], *Khristianos* XXVI: 24–51.

Budnikov, N. (1918) « Otvet na stat'iu: "Kto vnosit razrukhu v prikhodskuiu zhizn", napechatannuiu v Polots. Eparkh. Ved., za 1917 god No. 43» [The answer to the article: "Who brings ruin in parish life"], *Polotskie eparkhial'nye vedomosti* 1 (January 4): 21–30.

Evlogii (Georgievskii), mitropolit (1994) *Put' moei zhizni* [The path of my life]. Moscow (Paris, 1947).

Freeze, G.L. (1977) *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge, MA, and London: Harvard University Press.

Freeze, G.L. (1983) *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton: Princeton University Press.

Freeze, G.L. (1985) "Introduction", in I.S. Belliustin. *Description of the Clergy in Rural Russia: The Memoir of a Nineteenth-Century Parish Priest*. Ithaca: Cornell University Press.

Freeze, G.L. (2001) "All Power to the Parish? The Problems and Politics of Church Reform in Late Imperial Russia", in M.K. Palat (ed.) *Social Identities in Revolutionary Russia*. New York: Palgrave.

Golubtsov, S. (1999) *Moskovskoe dukhovenso v preddverii i nachale gonenii 1917–1922 gg*. [Moscow clergy on the threshold and the beginning of the persecution, 1917–1922]. M.

"Iz eparkhial'noi khroniki" [From the Diocesan Chronicles] (1917), *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti* 29 (August 1): 419.

"Izvestiia i zametki" [News and Notes] (1917), *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti* 7–8 (April 1–16): 244–253.

Khitrov, A. (1917) "Neotlozhnaia nuzhda v professional'nom soiuze dlia dukhovenstva" [The urgent need for a professional union for the clergy], *Saratovskie eparkhial'nye vedomosti* 25 (September 1): 895–898.

L. (1917) «"Dukhovnye proletarii" Bessarabii» ["Spiritual proletarians" of Bessarabia], *Bessarabskii tserkovnyi golos* 29–30 (July 23–30): 541–544.

Ladinskii, M. (1917) "Golos psalomshchika" [Psalmist's voice], *Pskovskie eparkhial'nye vedomosti* 2–3 (January 15 — February 15): 40–42.

Liubimov, N. (1995) "Dnevnik o zasedaniiakh vnov' sformirovannogo sinoda (12 aprelia — 12 iiunia 1917 g.)" [Diary of meetings of the newly formed Synod (April 12 — June 12, 1917)], in *Rossiiskaia tserkov' v gody revoliutsii (1917–1918 gg.)*, p. 23. M.

Mirianin. "Golos mirianina" [Voice of a lay person] (1917), *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti* 20 (May 14): 194–197.

Mladshie kliriki. (1917) "V Balashovskom soiuze diakonov i psalomshchikov" [In the Balashov Union of deacons and psalm-readers], *Saratovskie eparkhial'nye vedomosti* 33 (November 21): 1187–1191.

N. E-v (1917) "Pervyi vybornyi mitropolit. Eparkhial'nym soborom izbran na post mitropolita petrogradskago episkop Veniamin Gdovskii" [The first elected metropolitan], *Turkestanskie eparkhial'nye vedomosti* 12 (June 15): 183–185.

Nikon Rklitskii, ep. (1958) *Zhizneopisanie Blazhenneishago Antoniia, Mitropolita Kievskago i Galitskago* [Biography of His Beatitude Anthony, Metropolitan of Kiev and Galicia]. Tom IV. New York.

"O raspredelenii dokhodov mezhdu chlenami prichta" [On the distribution of income among parish clergy] (1917), *Polotskie eparkhial'nye vedomosti* 35 (August 3): 892.

"Ot redaktora" [Editorial] (1917), *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti* 21–22 (May 21–28): 212.

Opredelenie Sviashchennago Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi o razdele mestnykh sredstv soderzhaniia prikhodskago dukhovenstva 25 Noiabria 1917 g. i 21 Marta (3 Aprelia) 1918 g. [The decree of the Holy Council of the Orthodox Russian Church on the division of local means of maintenance of the parish clergy on November 25, 1917 and March 21 (April 3), 1918] (1918), in *Sobranie Opredelenii i Postanovlenii Sviashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi 1917–1918 gg*. Vypuski 1–4, pp. 24–25. Moscow (Reprint: Moscow, 1994).

"Plach i ston i gore (Kartiny zhizni sovremennago dukhovenstva po dannym Soiuza sviashchennikov Samarskoi Eparkhii" [Crying and groaning and grief (Pictures of the life of the modern clergy according to the Union of Priests of the Samara Diocese)] (1918), *Samarskie eparkhial'nye vedomosti* 5 (March 1/14): 192.

Rogoznyi, P.G. (2008) *Tserkovnaia revoliutsiia 1917 goda* [Church Revolution of 1917]. SPb.

S.G.O. (1917) «Nashe prikhodskoe zlo» [Our parish evil], *Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti* 25 (June 25): 465–466.

Shkarovskii, M.V. (1995) *Peterburgskaia eparkhiia v gody gonenii i utrat 1917-1945* [Petersburg diocese in the years of persecution and loss, 1917–1945]. SPb.

Smelov, I. (1917) "Po povodu eparkhial'noi gazety" [On the eparchial newspaper], *Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti* 23–24 (June 11–18): 443–444.

Smolitch, I.K. (1996) *Istoriia Russkoi Tserkvi*, 1700–1917 [History of the Russian Church]. Ch. 1. M.: Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyria.

"Sobranie diakonov i psalomshchikov g. Omska" [Meeting of deacons and psalmists of the city of Omsk] (1917), *Omskie eparkhial'nye vedomosti* 17 (April 23): 31.

Sokolof, D. (1975) *A Manual of the Orthodox Church's Divine Services*. Jordanville, NY: Holy Trinity Monastery.

S-skii, V. (1918) "K nedostatkam vybornago nachala v prikhodakh" [To the disadvantages of electoral beginning in the parishes], *Kurskii eparkhial'nyi vestnik* 14–15 (April 8/21–15/28): 292–301.

Stal'mashevskii, A. (1917) «K svedeniiu dukhovenstva i mirian Polotskoi eparkhii o deianiiakh Pomestnago Sobora Pravoslavnoi Vserossiiskoi Tserkvi» [To the attention of the clergy and laity of the Polotsk diocese about the actions of the All-Russian Church Council], *Polotskie eparkhial'nye vedomosti* 45 (October 28): 1158–1163.

Titov, M. (1917) "Okruzhnaia organizatsiia dukhovenstva (Mysli iereia)" [District Clergy Organization], *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti* 20 (May 14): 192–194.

"Ukaz iz Sviateishago Pravitel'stvuiushchago Sinoda" [Decree of the Holy Governmental Synod] (1917), *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti* 11–12 (June 1–16): 109–114.

"Ustav Bratstva diakonov i psalomshchikov Omskoi eparkhii" [The Charter of the Brotherhood of Deacons and Psalmist Omsk Diocese] (1917), *Omskie eparkhial'nye vedomosti* 20 (May 14): 5.

"V Balashovskom soiuze diakonov i psalomshchikov" [In the Balashov union of deacons and psalm-readers] (1917), *Saratovskie eparkhial'nye vedomosti* 33 (November 21): 1186–1191.

Vsekhsviatskii, K. (1918) “Kozel otpushcheniia” [Scapegoat], *Smolenskie eparkhial’nye vedomosti* 1 (January 1–7): 6–12.

Young, G. (1997) *Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village*. University Park: Pennsylvania State University Press.

“Zhivaya zhizn’: Pervyi moskovskyi arkhipastyr’ po svobodnomu izbraniyu tserovnogo klira i naroda” [Living life. The first Moscow archpastor on the basis of free election of church clergy and people] (1917), *Bogoslovskii vestnik* 328: 135–142.

“Zhizn’ eparkhii” [Diocese life] (1917), *Kishinevskie eparkhial’nye vedomosti* 26–27 (July 2–9): 499.